

УДК 008

© В. А. Островерх, П. Я. Гонтмахер, 2010

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НИВХСКОГО ЭТНОСА И ИХ КОРРЕЛЯЦИЯ С ФОРМАМИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С РЕАЛЬНОСТЬЮ

Островерх В. А. – асп. кафедры «Литература и культурология», тел.: (4212) 78-70-34, e-mail: victorpara@mail.ru; *Гонтмахер П. Я.* – д-р ист. наук, проф. кафедры «Литература и культурология», тел.: (4212) 56-20-36 (ДВГГУ)

Анализируя основы мировоззренческих и мифологических представлений нивхов, автор приходит к выводу о присущей этносу концепции множественности миров, имеющих в своей основе естественное доброе начало, что оптимизирует конструктивные содержания ментальности. Основной нормализующей координатой в ментальности этноса становится идея динамического равновесия между природой и людьми, а ключевой формой взаимодействия с реальностью становится форма диалогического взаимодействия на базе толерантности.

Analyzing the basis of world outlook and mythological perceptions of Nivkhs, the author comes to a conclusion about the concept of plurality of the worlds which is inherent for this ethnos. These worlds are founded on the natural kind beginning that optimizes constructive content of the mentality. The idea of dynamic balance between the nature and people becomes the basic normalizing coordinate in the ethnos mentality, and the form of dialogical interaction on the basis of tolerance becomes the key form of interaction with the reality.

Ключевые слова: ментальность, мифологические представления, мировоззренческие установки, образ мира.

В каждой культуре существует необходимая система координат и ценностей, которая даёт возможность ориентироваться в мире, выстраивать собственные смыслы бытия, организовывать условия взаимодействия с реальностью для обеспечения своей жизнеспособности и жизнедеятельности. Система координат и жизненно-ценностных ориентиров, являясь отличительной особенностью данного этноса, выстраивается целым рядом взаимодополняющих и определяющих друг друга адаптивно-адаптационных структур, таких как образ мира, культурная тема этноса, этнические константы и т. д. Все эти мыслительные и смысловые элементы культуры находятся в сфере мен-

тальности, иначе говоря «природа любой культуры определяется её внутренним аспектом – её ментальностью» [8].

В данной работе нам бы хотелось рассмотреть, деструктивные или конструктивные смыслы составляют нередуцируемое ядро ментальности нивхов, на какой основе и каким образом формируются эти смыслы, какова функция структурообразующих идей и символов в организации форм и содержаний отношений при взаимодействии с реальностью. Наша задача – попытаться выделить те основные смысловые принципы организации ментальности, которые могли стать основой для формирования толерантного содержания мировоззренческой позиции этноса.

Обратимся к дефиниции ментальности, данной В. П. Визгиным. «Ментальность (менталитет) (от лат. mens – ум, мышление, образ мыслей, душевный склад) – глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное; относительно устойчивая совокупность установок и предрасположенностей индивида или социальной группы воспринимать мир определённым образом. Ментальность формируется в зависимости от традиций культуры, социальных структур и всей среды жизнедеятельности человека, и сама, в свою очередь, их формирует, выступая как порождающее начало, как трудноопределимый исток культурно-исторической динамики» [10]. Для ответа на поставленные нами вопросы дефиницию ментальности необходимо дополнить более широким перечнем её функциональных нагрузок. Ментальность – содержание сознания, которое представляет собой логико-смысловой континуум (своего рода процессор). Механизм ментальности, во-первых, аккумулирует в себе как уровни сознания, так бессознательные структуры (архетипы). Во-вторых, если исходит из тезиса К. Юнга о том, что «бессознательные процессы находятся в компенсаторной связи с сознанием» [14], то ментальность в какой-то мере организует корреляцию этих мыслительных сфер по принципу синхронистичности, то есть в отсутствии причинно-следственной или телеологической связи при общем смысловом взаимодействии. В-третьих, на базе двух первых условий ментальностью формируются идеи, смысл и логика понятий и, наконец, посредством обратной связи контролируется релевантность выработанных ответов на вопросы реальности.

Приведённая выше дефиниция ментальности, включая глубинные уровни коллективного сознания и бессознательного, совокупность установок и т. д., указывает на неоднородность содержания ментальности. Как следствие этого, для организации её целостности и оптимального функционирования в формировании смыслов, содержания ментальности должны иметь общую исходную точку, определяющую вектор её общей направленности. Такой исходной точкой становятся первичные мировоззренческие установки и принципы, на которых они основываются. В эмпирической реальности ключом к пониманию основ мировоззренческих установок может стать анализ первичных мифологических представлений об основах бытия и органической связи этих представлений с суммой наличных обстоятельств (природа, социум,

культура, опыт жизнедеятельности и способов взаимодействия между людьми и природой).

Для начала нашего анализа рассмотрим космогонию этноса и определимся с основными мировоззренческими установками добра и зла. Однозначных представлений о происхождении вселенной у нивхов не зарегистрировано. Е. А. Крейнович фиксирует в представлениях нивхов версию о происхождении Сахалина из огромных морских волн, застывших и превратившихся в горные хребты [3]. Таксами упоминает о существовании представлений о Сахалине как об огромном человекообразном существе, которое лежит на правом боку, лицом к материку, при этом части острова ассоциировались нивхами с частями тела этого существа. Землетрясения объяснялись тем, что это существо переворачивается с бока на бок [9]. Сахалин рисовался нивхам и в образе большого животного, вид и повадки которого совпадали с животными, хорошо им известными, например с тюленями. В таком случае объяснение землетрясений принимало следующую форму: «Может быть, ему надоело лежать, а может быть, потому что людей на Сахалине много стало. Всякую грязь на него льют. Поэтому он и отряхивается, всё равно как собака» [2]. По мнению Л. Я. Штернберга, главным божеством в преданиях нивхов, демиургом (творцом), создателем всего является Kurn. «Всё создал Kurn – хозяин вселенной; раньше всё вода была; он «сделал землю, речку, дерево». «Работая» землю Kurn потерял своего оленя, который обратился в Lavgo-pal. Большие реки – это след его оленя, а маленькие речки (образовались оттого, что он махнул своим кнутом на оленей – tlangi-z'ач.» [13]. Однако это последнее представление, скорее всего, носит заимствованный характер, так как известно, что в традиционной культуре нивхи оленеводством не занимались. Несмотря на неопределённость представлений о происхождении мира, можно говорить о том, что в представлении нивхов превалирует порождающее, естественное природное начало, а не креационизм, как например, в иудаизме и христианстве. Горизонталь естественного организованного бытия, в отсутствие иерархически выстроенного сонма божеств во главе с высшим демиургом, становится основной нормализующей координатой в ментальности этноса. Возможно, именно это определяло основной принцип отношений социума, который фиксирует Л. И. Шренк: «В гиляцком обществе в правовом отношении не существует подчинённых и подчиняющих» [12].

Л. И. Шренк, обращаясь к аспекту мировоззренческих установок добра и зла в менталитете этноса, в частности, указывает: «Гиляки обладают лишь слабым, смутным представлением о боге, о существе высшем, которому свойства «добра» принадлежат в полной мере без всякой примеси зла» [12]. Для нивхов синтез понятий «Бог» и «зло» не имеет смысла, так как понятие зла, согласно их представлениям, по определению противоречит понятию Бога. «Гиляки называют Бога Ыцигы и считают его добрым, кингулачь, что вполне равносильно другому гиляцкому слову зонць – добрый» [12]. В понимании нивхов, зло не противоположно порядку вещей, основанном на добрых началах, а заключается в нарушении этого порядка. «Поэтому во всех этих

силах природы он видит злые случайности, направленные, как он думает (исходя из общей, первобытной эгоистически-телеологической точки зрения человечества), исключительно против него и своей мощью превышающие его личные средства» [12]. Такого же мнения придерживается С. Н. Скоринов в своей монографии «Мифология и обрядовая культура нивхов». «Системе традиционных верований нивхов свойственны представления и о злых духах как о враждебных силах микро- и макро космоса. Но примечательной особенностью их демонологии являлось то, что нивхи не ощущали какого-либо морального противоречия между злыми и добрыми духами, а различие между ними видели лишь в противоположности действий» [7]. Для нивхов явление зла – это органическое несовершенство мира. Зло негативно, оно не представляет собой отдельной, рафинируемой силы и состоит в отсутствие добра, а значит, может быть обнаружено и побеждено, т. е. общий порядок бытия может быть восстановлен при определённой тактике, например магическом действии, заклинаний. Как следствие этого в родовой организации нивхов минимизированы уголовные преступления и кражи. Главными преступлениями считаются нарушения обычаев рода, которые сводятся к традициям брачного трёхродового союза. Войны не имеют цели физического уничтожения противника или его экономической экспансии. Отсутствуют репрессивные институты. Межличностные отношения строятся на доверии и доброжелательности. Воспитание детей основывается на принципах любви и личного авторитета. Религиозная жизнь этноса целиком направлена на решения практических целей.

Э. Фромм в работе «Анатомия человеческой деструктивности», взяв за основу присущей ментальности этноса уровень агрессивности, как качественный принцип систематизации различных обществ, выделяет три типа обществ – жизнеутверждающие общества, недеструктивные общества с ограничено присущей агрессивностью и деструктивные общества, с ярко выраженной агрессивностью [11]. Согласно данной классификации нивхский этнос представляет собой социальную систему недеструктивного коллективистского характера, когда агрессивность не занимает центрального места. Хотя ограниченное родовой моралью нивхское общество не может быть отнесено к полностью жизнеутверждающим обществам, восприятие мира, в основе которого лежит доброе начало, способствовало актуализации конструктивных основ ментальности. В таком случае ключевой формой взаимодействия с реальностью становится не противопоставление человека миру, не подчинение ему, а форма диалогического взаимодействия с ним через обряд, ритуал, т. е., в конечном счёте, через договорные формы. Однако отсутствие императива высшей трансцендентальной силы как основного арбитра, в руках которого мир и меч, требовали актуализации иного механизма, который бы мог, основываясь на прочной связи между людьми, обладать властью и осуществлять её. Таким инструментом власти стала социальная организация нивхов, основанная на кровном родстве и семейно-родовом праве, которые впоследствии стали духом, мыслью и мировоззрением этноса.

Анализ принципов, на которых основывается социальная организация нивхов, выстраиваются межродовые и личностные взаимоотношения, не возможен без обращения к космологии этноса. Исходя из многочисленных исследований [2, 12, 13, 4, 7, 1], мы можем рассматривать мир нивхов как несводимую только к вертикальному членению трёхмерную модель мироздания. Речь идет о представлениях нивхов о Верхнем небесном мире – Тлы и о его небесном хозяине «Тлы ыз’е, («самый большой бог»), который отмечает всех новорождённых и назначает сроки их смерти» [4]. Далее следует Средний мир, он включает в себя Водный мир – Тол, который представлен вселенскими водными стихиями с хозяином моря «Тайрнанд’а («Тол ызн’ ‘а»), посылающего нивхам рыбу» [4]. А Земной мир как двухчастную модель мира – Пал, где сосуществуют «горные люди», обитатели лесистых сопок вместе с хозяином Пал-ызин («Пал ызн’ ‘а»), посылающий нивхам медведей и сами нивхи («низовские люди»), а также духи огня и очага – Т’уг’ ‘рызн’ ‘ и Т’уг’ ‘р мам, духи ветра, грома и т. д. И, наконец, Нижний мир – место пребывания умерших людей – Млыво (Млых) и где, в частности, находится селение мёртвых. Перечисленные миры, судя по представлениям нивхов, несмотря на свою автономность, не были закрытыми системами. Взаимодействия и отношения между обитателями миров осуществлялись по установленным этическим нормам и правилам поведения, «в мифологиях народных нет этого жесткого разделения миров: сего и иного. Между ними – сообщаемость» [1]. Более того, по мнению Г. Гачева именно прозрачные горизонтально образующие координаты «как обитание между сушей (земли) и водой» [1] обуславливают и духовную субстанцию нивхов. «И люди тут не столь твёрдоземны и социальны-страстны-разговорчивы, но более прозрачно-духовна их субстанция. ...И раз не столь плотны тут люди, то и не столь точечно-эгоистичны (как земно-общественные), но более на движение чувств податливы и легки: из них соткана их субстанция – из любви и жертвы» [1].

Итак, образ мира нивхов – это многополярный мир, в основе которого лежат самостоятельные природные стихии, представленные в мифологии главными божествами. Признание плюрализма основ мироздания с четко установленными многозначными связями, восприятие себя как неразрывной части природы, ощущением своего единства с окружающим миром, инициировало толерантное отношение к реальности, которое распространялись в целом на весь социум. Принцип единства человека со всем его окружающим космосом, причём не в иносказательном, а в прямом смысле один из определяющих принципов мировоззрения нивхов. «Нивхи родились от сока, капавшего из лиственниц. Оттого и лица у них тёмные как кора лиственницы» [2]. Этим ощущением причастности к общему нерасчленённому бытию, со всеми существующими в представлении нивха мирами, объясняется то многообразие форм взаимодействий, которые отражены в мифах, преданиях и обрядах. Так, представления о возможности создания родственных связей с обитателями иных миров посредством брака подтверждаются мифами о женитьбе

нивхов на «горных», «морских» женщинах. Нивхские женщины в свою очередь могли выйти замуж за «горных» или «морских» людей [5].

В мифологических преданиях нивхи постоянно вступают в самые различные контакты с представителями различных миров, причём тактика этих взаимодействий не одинакова. Если враждебные человеку существа кинз/кинрш или милк подлежат уничтожению, то с остальными не враждебными существами нивхи вступают, в договорные или обменные отношения. Основой принцип достижения успеха в этих отношениях, согласно мифологическим преданиям, напрямую зависел от соблюдения условий правильной коммуникации, правил общения. Как результат правильно выстроенной коммуникации – удачная рыбалка или охота, счастливый брак и, в конечном счёте, достижение материального благополучия [5]. Напротив неправильные способы коммуникации, несоблюдение правил общения приводят к отрицательным результатам – неудаче в охоте, болезни или смерти [5]. Заносчивость, нетерпение, хвастовство, жадность, насилие – пороки, несовместимые с жизненными успехами или, по крайней мере, с уважением окружающих.

Одним из основных условий становления толерантных механизмов общения среди соплеменников было представление о родственных узах, связывающих нивхов с обитателями иных миров. В представлении нивхов умершие люди после переселения в подземный мир переходили в род одного из «хозяев» мира, и от них, в свою очередь, зависело благополучие оставшихся после него членов данного рода. Гиляки полагают, что «души всех умирающих естественной смертью странствуют по земле или под землёю, только убитых в том числе и души самоубийц, улетают в небо» [12]. Душа погибшего в борьбе с медведем «входит в тело медведя и бродит по лесам и горам». Душа человека, утонувшего в реке или в море, «не идёт ни на небо, ни в Мылг-во, а переселяется в тюленя» [12]. По мнению Штернберга, «когда гиляк говорит о каком-нибудь «горном» или тому подобном человеке, который его кормит, он именно имеет в виду своего сородича, который на памяти его или – самое большое – его отца или деда указанными выше путями очутились среди сонма «хозяев» [13]. Принцип общности родовых божеств, ощущение постоянной связи с предыдущими поколениями, чувство зависимости от их расположения и ответственности за сохранение этих отношений в самой благоприятной для себя форме служили основным фактором для закрепления в общении естественной толерантности, базой для «института гостеприимства и самой широкой братской взаимопомощи» [13].

Нивхам было свойственно анимистическое мировоззрение и этим также объясняется их ощущение неразрывных связей с окружающим миром. Всё вокруг живое, всё имеет душу. Человек лишь часть этого общего и как часть общего он имеет определённые права, но и сам обязан соблюдать условия совместного существования. Отсюда необходимость умения договориться, а значит, воспитание дипломатических приёмов. Одной из психологических особенностей нивхов было отсутствие в просьбах унижения и заискивания в общении с душами животных, с хозяином тайги, моря. «Вместо этого высту-

пают элементы установления с ними дружественных связей и обменного дарения. Нивхи посылают духу-хозяину моря *инау*, которые по его словам, стоят дороже даже самых больших драгоценностей, а он взамен посылает им рыбу и тюленей, требуя от нивхов только одного – чтобы они не их мучили» [2].

Удача на охоте напрямую зависит от того, каким будет угощение и насколько оно будет желанным. Если черепа животных добытых осенью, кормят весной, обмазывая студнем и рисовой кашей, и оставляют угощение их родственникам это буквально означает, что все условия соблюдены и нет повода для обид. Между идеей и действием нет расхождений, идея определяет действие, а действие подтверждает идею. Когда например, нивхский охотник совершает обряд кормления духов гор и приносит к основанию дерева студень, рис, он не просто совершает какие-то ритуальные действия, положенные обрядом, в его понимании он буквально кормит духов гор. «Для гилеяка нет более несомненной истины, чем та, по которой всё его благополучие, всё, что даёт ему природа за его отчаянные усилия в борьбе за существование, всё это лишь вольный дар богов ему благодетельствующих; без их благоволения все усилия человека остались бы тщётными. А боги, сородичи, как мы знаем, более всего участвуют в этом животворном благоволении, они истинные кормильцы рода, и нет важнее обязанности для каждого сородича, чем по мере сил содействовать этому благоволению» [13].

«Сфера жизнедеятельности складывается из деятельности общения и общественной трудовой деятельности. На протяжении девяти десятых времени человеческой истории совершенствовались не орудия труда, а общение» [10]. Мышлением человека обрабатывались и обобщались представления о принципах, способах и формах возможных взаимодействий как о результате сложившегося «деятельного отношения» к миру, которые, в свою очередь, откладывались в коллективных представлениях и, в частности, в виде мифов. Миф служил своеобразным инструментом социального контроля, выполняя регулятивную функцию поведенческих норм. «Миф перерастает в систему профессионально разработанных апперцепций (зависимость восприятия от предшествующего опыта), нормативизирующих поведение социума... Отношение к миру определяется не непосредственным восприятием, а профессионально разработанными мифологемами» [6].

Всё это позволяет говорить о том, что, с одной стороны, в мифических мирах, как в продукте бессознательного, откладывались коллективные представления о порядке вещей (в силу утверждения в них этики «долженствования»), с другой – в обычаях и связанных с ними ритуалах (в силу своей психологической особенности к внушаемости психики из-за бесконечно повторяемых действий), закреплялись формы и способы коммуникаций. Иначе говоря, и мифы и ритуальный опыт способствовали практике консервации в подсознании членов этноса толерантных форм, правил и способов взаимодействия с реальностью, которые были опробованы социальной структурой и подтвердили свою легитимность всей жизнью этноса.

Таким образом, основным принципом и структурообразующей идеей ментальности нивхов выступает концепция мира, построенного на основании добра. Это способствовало актуализации конструктивных основ ментальности и как следствие – ключевой формой взаимодействия с реальностью становится форма диалогического взаимодействия с ним. Принцип плюрализма основ мироздания, ощущением своего единства с окружающим миром, инициировало толерантное отношение к реальности, которое распространялись в целом на весь социум. Постоянная потребность к расположению предков приводила к привычке уважительного, толерантного отношения к ним как к членам одного рода, а привычка к такой форме взаимоотношений на индивидуальном уровне, проецируясь на всю совокупность членов рода, становилась обычаем, традицией, закрепляясь как норма взаимоотношений в ментальности этноса.

Библиографические ссылки

1. *Гачев Г. Д.* Национальные образы мира. Центральная Азия: Казахстан, Киргизия. Космос Ислама (интеллектуальные путешествия). М., 2002.
2. *Крейнович Е. А.* Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М., 1973.
3. *Крейнович Е. А.* Очерк космогонических представлений гиляков о-ва Сахалина // Этнография. 1929. № 1.
4. *Островский А. Б.* Религиозные верования нивхов. Южно-Сахалинск, 2005.
5. *Пилсудский Б. О.* Фольклор сахалинских нивхов. Сахалин, 2003.
6. *Режабек Е. Я.* Становление мифологического сознания и его когнитивности // Вопросы философии. 2002. № 1.
7. *Скоринов С. Н.* Мифология и обрядовая культура нивхов. Хабаровск, 2004.
8. *Сорокин П. А.* Социальная и культурная динамика. М., 2006.
9. *Таксами Ч. М.* Представления о природе и человеке у нивхов // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Л., 1976.
10. *Теоретическая культурология.* М., 2005.
11. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М., 2004.
12. *Шренк Л. И.* Об инородцах Амурского края. СПб., 1903.
13. *Штернберг Л. Я.* Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.
14. *Юнг К. Г.* Психология бессознательного. М., 2001.